

В. С. ГРЕХНЕВ

ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА

Политический терроризм (от латинского *terror* — страх, ужас) — своеобразное явление общественной жизни, которое благодаря своим шокирующим акциям устрашения, запугивания, преследования, убийства людей не может не представлять опасности для функционирования и развития общества и в силу этого не привлекать его пристального внимания.

Политический терроризм, о котором сейчас особенно много рассуждают, появился не сегодня, хотя, конечно, были относительно спокойные эпохи, особо им не отмеченные, равно как и эпохи, когда интенсивность террористических актов достигала как бы своего пика. Однако несомненно, что начиная со второй половины XIX века политический терроризм стал неизбежным спутником общества, который было бы неверно привязывать к каким-то определенным национальным границам: палестинским, ирландским, чеченским, русским. Он интернационален, поскольку его проявления встречаются всюду.

Обычно говорят о двух формах политического терроризма в истории: государственном терроризме, или терроре, репрессиях государства в отношении своих граждан, и терроризме в обществе — демонстративных антигосударственных насильственных действиях его отдельных представителей. Хотя, по определению, государство имеет легитимное право на насилие, тем не менее не всякое государство может быть названо террористическим (тоталитарным). Государственный терроризм обычно связывают с диктатурой — властью, исключительно опирающейся на насилие, для тотального подавления каких-либо классов или иных социальных групп, общественных организаций, личностей¹.

Другая форма политического терроризма, о которой, собственно, и пойдет речь в данной работе, — противоправные насильственные действия отдельных групп людей, направленные на подрыв и дискредитацию социально-политической и правовой системы

¹ См. об этом: *Арон Р.* Демократия и тоталитаризм. М., 1993. С. 221-228.

общества. Конечно, политический терроризм такого рода необходимо отличать от различных проявлений насилия, встречающихся в каждодневных житейских ситуациях взаимоотношений людей, равно как и от уголовщины, бандитизма — захвата заложников с целью получить выкуп, заказных убийств в устранении конкурентов по бизнесу и прочих подобных действий. Однако отличить политические террористические акции от неполитических, когда все так или иначе пронизано политикой, очень сложно. Ведь даже примитивный уголовный бандитизм, если он нагнетает страх и сеет панику в обществе, имеет определенный политический резонанс, ибо ведет к определенной дестабилизации политического режима, к массовому недовольству им. Именно поэтому необходимо подчеркнуть, что политический терроризм — это не всякие противозаконные насильственные действия, осуществляемые в сфере общезначимых (государственных, национальных, межнациональных, международных) отношений организации общественной жизни людей. Только те насильственные групповые или индивидуальные действия, которые направлены на систематический подрыв, ущемление и дискредитацию конституционного общественного строя страны, его политических институтов и их представителей, можно рассматривать как проявления политического террора. При этом показательно, что политический террор жертвует всеми моральными и гуманитарными принципами общежития людей, поскольку исполняется во имя некоторой значимой цели, которая служит оправданием любых используемых средств насилия.

Изучение проявлений политического терроризма в обществе неизбежно требует ответа на вопросы о том, кто, против кого, для чего и почему осуществляет столь дерзкие антигосударственные действия. Понятно, что решение данной задачи обусловлено определенными трудностями выявления из-за спонтанных действий крайне малочисленных и хорошо законспирированных террористических групп общества, их социальной природы и обстоятельств существования и распространения в современном мире. Собственно этим, наверное, можно объяснить и почти полную неразработанность проблемы терроризма в научной литературе.

По-моему, Карл Клаузевиц однажды заметил, что война имеет свой собственный язык, но не свою собственную логику. То же самое справедливо и в отношении политического терроризма, который сверх

всего есть еще и особый тип войны, ведущейся без каких-либо правил и соглашений. Именно поэтому о терроризме часто говорят как о неких иррациональных действиях. Однако последнее утверждение, на наш взгляд, не совсем верно. При всей, казалось бы, бессмысленности, абсурдности и бесперспективности политического терроризма в его действиях все же есть некоторая рациональная основа, которая может быть выражена в достаточно определенных, преследуемых его исполнителями, целях и осмыслена с точки зрения объективных и субъективных причин и условий его проявлений в обществе. Во всяком случае, терроризм — это особый способ или процесс осуществления насилия, который имеет, по крайней мере, при основных рациональных элементах: во-первых, цели, которые ставятся и преследуются самими террористами; во-вторых, избранный способ действия в проведении насильственных акций для достижения поставленных целей; в-третьих, психологический или какой-либо другой эффект, на который неизбежно рассчитывают террористы при планировании и осуществлении своих действий. К сказанному следует добавить и то, что политический терроризм всегда обусловлен и исходит из конкретно-исторических условий развития жизнеотношений общества и всей системы идейно-политических взглядов и умонастроений людей.

Было бы, пожалуй, опрометчиво рассматривать терроризм как ультрарадикальное направление мятежного практического действия некоторых групп и индивидов в обществе, в его последовательной связи всегда только с каким-то одним определенным общественно-политическим движением и его идеологией. Так нередко, например, терроризм связывают с анархизмом. В этой связи следует отметить, что в рамках анархистского движения существует много различных оттенков (точно так же и среди политических групп, исповедующих терроризм, множество самых разных форм идейных предпочтений). Конечно, и в анархистском движении были и есть группы людей, которые выступают за массовый или индивидуальный террор, ратуют за устранение ключевых политических фигур общества, пытаясь таким образом совершить «праведный суд» и подтолкнуть, вызвать революционный взрыв масс для уничтожения всякой власти и государства. Вместе с тем бывает порой чрезвычайно трудно определить, что есть анархизм, а что нет, особенно тогда, когда цели террористической группы не ясны, и действительные атаки на

существующее общество кажутся важнее обосновывающих их идеологических принципов. Известно, что многие анархисты отказываются от террора и вообще осуществления каких-либо насильственных действий по нравственным основаниям или полагают, что великое дело анархии не может быть сотворено при помощи зла. Другие, не отказываясь в целом от применения методов насилия, считают, тем не менее, террор не только неэффективным средством, но и политически не соответствующим анархистскому движению. Они полагают, что террор — это путь, ограничивающий свободу, ведущий к войне и насаждению насилия. Так, датский анархопацифист Б. Лигт пишет: «Насилие и война — характерные условия империализма, они не могут иметь ничего общего с освобождением человека и общества — исторической задачей анархизма. Чем больше насилия, тем слабее революция, даже там, где это насилие направлено ей на службу»². Собственно, это подтверждает и история анархистского движения, которая показывает, что только очень небольшая часть анархистов защищала методы террора и еще меньшая часть пыталась осуществить эти методы на практике.

Несостоятельны попытки связать терроризм и исключительно с учением и практикой марксизма. Правда, отвергая такие попытки, следует, по-видимому, различать учение самих основоположников марксизма от его последующих интерпретаций российскими социал-демократами и другими течениями мысли, объявляющими себя марксистскими.

Известно, что К. Маркс и Ф. Энгельс не отрицали насилия в историческом процессе, говоря о нем как о «повивальной бабке» при рождении нового общества. Именно они подчеркнули, что революции не производятся по чьему-либо субъективному желанию, воле, равно как и по заказу горсткой заговорщиков. С точки зрения К. Маркса и Ф. Энгельса, революции осуществляются классами, и только тогда, когда для этого вызрели все необходимые объективные социально-экономические условия. Однако, несмотря на то что насилие в их политической теории всегда рассматривалось революционным фактором, террор считался ими лишь исторически неизбежным способом действия, по поводу которого так же мало

² Цит. по: Miller D. Anarchism. L., 1984. P. 122.

следует морализировать — за или против, как по поводу землетрясения на Хиосе³. Иначе говоря, К. Маркс и Ф. Энгельс уже на примере серии террористических актов русских народовольцев видели непродуктивность, пожалуй, даже контрреволюционность террора. В этом смысле очевидно их резко негативное отношение к бакунизму, который, как известно, открыто выступал за применение террора как «революционной пропаганды делами».

Несколько иным было отношение к террору В. И. Ленина и его последователей. Можно сказать, что это отношение было амбивалентным. С одной стороны, В. И. Ленин как бы отрицал индивидуальный террор, который практиковался народовольцами, подчеркивая, что русский террор XIX века был и остается специфическим революционным средством насилия, борьбы, применяемым именно интеллигенцией. С другой стороны, В. И. Ленин не писал, что он отрицает террор в принципе⁴. Скорее всего он считал террор формой военного действия, которая может быть полезной в некоторых случаях революционной борьбы, отказываться от которой в удобный момент не следует. Подтверждением этого является активное участие Красина, Камо (Гер-Петросяна), Литвинова, Семашко, Сталина и многих других большевиков в террористических акциях.

Таким образом, видно, что отношение В. И. Ленина и его сподвижников к террору было тактическим, поскольку террор рассматривался одной из многих форм революционного действия, хотя и далеко не решающей и главной на пути достижения поставленных целей освобождения рабочего класса. Такое отношение к террору, созвучное тому, что «террор есть не что иное, как быстрая, строгая, непреклонная справедливость; следовательно, он является проявлением добродетели, он не столько особый принцип, сколько вывод из общего принципа демократии, применяемого отечеством в крайней нужде»⁵, было характерным и для многих других революционных движений XX века. Вот почему терроризм не может

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 35. С. 148.

⁴ См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 6. С. 386.

⁵ Робеспьер М. Революционная законность и право. Статьи и речи. М., 1959. С. 210.

быть безоговорочно отнесен к какой-либо одной определенной форме общественно-политического движения.

В современных условиях терроризм может использоваться людьми разных политических убеждений. Вместе с тем нельзя не видеть, что стратегические и тактические основания действий всех террористов, даже если они и разделяют идеи каких-то определенных политических учений, зачастую настолько близки друг другу, что порой полностью совпадают. В этой связи даже может возникнуть мысль о трансформации некоторых ультрарадикальных идей анархизма, фашизма, движения «новых левых» в некий симбиоз взглядов — идеологию, освещающую предпринимаемые действия политических террористов. Такая мысль не лишена оснований. Прежде всего сегодняшний терроризм — особый и во многом самостоятельный вид действий отдельных групп людей, которые почти никогда не отождествляют себя с каким-либо иным, кроме террористического, общественно-политическим направлением борьбы. Терроризм сегодня имеет свою особую социальную нишу, свою специфическую социальную базу, свое определенное содержание и цели, отличные от анархизма, коммунизма, неофашизма и прочих известных общественных движений, если даже на основе их он сформировался и продолжает развиваться. Дело в том, что терроризм, используя абсолютно антигуманные, уголовно-преступные средства реализации своих целей, по существу дискредитирует идеалы и коммунизма, и анархизма, и любого другого, действующего на вполне официальном уровне, общественно-политического движения, а поэтому отвергается и не поддерживается ни одним из них. Все эти ныне существующие общественно-политические движения в своих идейных и практических программах действий рассчитывают на широкий охват народной массы. За последнее время они значительно изменили свою тактику, во многом нейтрализовали имевшуюся в прошлом ультрарадикальную риторику своих идеологий, приспособились или стараются вписаться в современную систему общества парламентской демократии. Поэтому им совсем не безразлично их реноме в условиях открытой борьбы за влияние на умы и сердца своих потенциальных избирателей. Вот почему, я думаю, сегодня можно говорить о собственной идеологии поведения террористов, которая, если ее реконструировать, по некоторым высказываниям приверженцев этих методов действий, по существу представляет собой эклектическую

смесь различных ультрареволюционных, леворадикальных политических доктрин и нигилистических философских учений. В этом эклектическом сочетании есть отзвуки бакунизма, штирнерианства, ленинизма, ницшеанства и даже некоторых своеобразно интерпретированных догматов религии. В идеологии террориста находит свое место и сартровская идея о враждебности человека другим и миру, о том, что преодоление этой враждебности возможно лишь через бунт, отказ от отчуждения и поиск отчужденной, но не потерянной свободы⁶. В этой идеологии звучит и маркузианский мотив о том, что ненасилие, возведенное в принцип, означает на деле воспроизведение узаконенного со стороны государства насилия, а посему необходимо отвергнуть любой общественный строй, им защищаемый⁷.

Реконструкцию такого рода положений и принципов, составляющих идеологию поведения террориста, естественно, можно продолжить. Однако, помня об идейном и политическом родстве этих течений мысли с современным терроризмом, методологически было бы все же неверным их отождествление, ибо каждое из них свойственно различным историческим эпохам, а значит, несет с собой разную социальную критику и разные концептуальные основы.

Формирование собственной идеологии террористического движения в обществе обусловлено тем, что практически все террористы, независимо от их окраски, пытаются так или иначе оправдать свои неправовые антигуманные действия. Для их обоснования они прибегают к тем направлениям политической философии, которые учат, что только через насилие можно вывести людей к совершенному обществу или (что то же самое), что только той или иной «громкой акцией» можно заявить протест, свое несогласие с существующими способами властей решить какие-либо значимые внутренние или международные проблемы общественного развития. Оправдывая терроризм как необходимое действие, его сторонники доказывают, что акт насилия не является преступным, когда он осуществляется в противовес силе государства или иной внешней и внутренней силе, ущемляющей свободу. Террорист в своем собственном представлении — это борец за свободу, он ниспровергает

⁶ Sartre J. — P. La critique de raison dialectique. Paris, 1960.

⁷ Marcuse H. Five lectures. Boston, 1970. P. 90.

несправедливость. Он борется с тиранией, диктатом, агрессией, когда бессильны другие практикуемые средства. В этом смысле он как бы даже исходит из стихийного субъективного (инстинктивного) стремления к справедливости, свободе, равенству, которые постоянно присутствуют-де у людей, выбравших этот путь борьбы. Другие террористы вполне серьезно считают, что для решительного практического действия, коим является террористическая акция, не нужны теоретики, ибо сама необходимость «восстановить» справедливость должна идти изнутри, из «врожденного чувства» справедливости у человека. В данном случае все должно как бы соответствовать известным словам песни Боба Дилана: «Тебе не нужен синоптик, чтобы определить, куда дует ветер».

Последнее, конечно, не означает, что в деятельности по организации террора отсутствуют определенные наставления и инструкции. Все это, несомненно, имеется, существует строгий отбор в рекрутировании исполнителей террористических акций. Они проходят длительную проверку, подвергаются различного рода испытаниям, прежде чем им доверятся какое-либо значительное террористически-политическое выступление.

Своеобразны пути каждой отдельной группы и каждой отдельной личности, вставших на путь террора. Некоторые становятся террористами сугубо случайно (от скуки, от ничегонеделания, от желания острых ощущений), других вообще привлекает насилие, разрушение. Ряды террористов состоят как из идеалистов, имеющих, как им кажется, возвышенную цель, точно так же, как и из разного рода преступных элементов, а то и просто психопатов. Даже несмотря на эти различия, все террористы имеют некую общую основу: все они пришли к террору под непосредственным влиянием тех мыслителей или политических деятелей, которые исповедуют насилие как существенное средство для того, чтобы «переделать мир», сделать этот мир лучше для людей. Показателен в этом отношении пример с кубинским революционером Эрнесто Че Геварой, пытавшимся в середине 60-х годов через партизанскую войну разжечь пожар социалистической революции в Латинской Америке. Его призывы и особенно героическая смерть тогда вдохновили немало молодых людей на подобные способы борьбы за свободу.

Методы насилия, используемые для атаки на мощные структуры государства, и сегодня не меньше продолжают привлекать внимание

некоторых групп, особенно молодых людей, которые убеждены, что слишком мало возможностей достичь целей освобождения общества ортодоксальными и легитимными средствами. Более того, «романтизм» террора имеет фатальную привлекательность для некоторых, борющихся за свое влияние в определении политической линии, мафиозных финансово-промышленных кланов, а также отдельных конкурирующих околоправительственных групп номенклатуры. Даже если они сами и не участвуют в террористических актах, они часто совсем не прочь организовать «возмездие» тем, кто слишком мешает их планам.

Разноречивые постулаты и принципы идеологии терроризма, равно как и разнмастный состав вдохновителей и исполнителей террора, во многом объясняют и многоликость действий террористических групп. Довольно сложно дать какую-либо отчетливую классификацию типов политического терроризма в обществе. Однако такая классификация необходима, и ряд теоретиков, занимающихся этими вопросами, пытаются это сделать.

Одни ученые в основном хотели бы подчеркнуть различие целей, стоящих перед террористами. Так, например, П. Вилкинсон на основе разделения целей терроризма на частные, общие, определенные и неопределенные выделяет соответственно такие его типы, как субреволюционный, революционный, репрессивный и эпифеноменальный⁸.

Другие ученые выявляют различные типы террористического движения в современном мире на основе ареалов его главных направлений действия. Так, У. Лаквер вычленяет сепаратистско-националистический терроризм на Ближнем Востоке, латиноамериканский терроризм и городской терроризм в США, в странах Европы и в Японии⁹. Не оспаривая такого рода классификаций терроризма, все же представляется необходимым не только вычленить различные типы, но и выявить сущностные параметры деятельности людей, причастных к современному терроризму. С учетом такого подхода можно, на наш взгляд, выделить следующие основные типы политического терроризма:

⁸ См.: Wilkinson P. *Terrorism and the Liberal State*. L., 1977 P. 56—57.

⁹ См.: Laquer W. *Terrorism*. N.Y., 1977. P. 173.

террор как исключительное и прямое средство в действиях расовых, религиозных, националистических, клановых и прочих групп для выражения своего политического протеста и несогласия или дискредитации противников;

террор как одно из многих средств реализации политических целей революционных и национально-освободительных партий и движений;

международный или транснациональный терроризм как способ воздействия на мировое сообщество и его организации, а также оказание давления на какую-либо группу государств и его граждан.

Нетрудно заметить, что политический террор во всех этих видах действий различных групп рассматривается как насильственный акт или цепь насильственных актов против общества. При этом не имеет значения, рассматривается ли террор как исключительное или как дополнительное средство противостояния обществу. В любом случае, его смысл и назначение состоят в том, чтобы через экстремальность проведенного акта насилия сделать вызов обществу, обратить его внимание, заявив о себе и своем несогласии, протесте, неприятии политической системы или проводимого ею курса. Конечно, в этом смысле террористы отличаются от тех, кто «регистрирует» свой протест в книгах или картинах, в проповедях или выступлениях на митингах, поскольку оформляют свой протест именно более вызывающими, быстрыми и, как им кажется, эффективными способами — бросанием бомб, захватом людей, диктатом условий. Правда, диапазон этого протеста у террористов может быть достаточно широким. Есть группы и даже целые движения, которые исповедуют и применяют методы террора для осуществления всеобщей революции, изменения мирового порядка. Среди них получившие широкую известность «Японская Красная Армия», «Красные бригады» в Италии, «Баадер-Майнхоф альянс» в Германии и многие другие, подобные им организации, действовавшие или продолжающие действовать почти повсюду. Своими террористическими актами они ставят цель мобилизовать массы и установить международную солидарность в борьбе за мировую революцию и новый всеобщий порядок справедливости.

Вместе с тем есть и такие террористические движения,' которые направляют свои усилия только на изменение политической ситуации в собственной стране, преследуя сугубо сепаратистские и националистические цели. Такие цели лежат, например, в основе

многих деяний палестинских и других арабских террористических групп. Убийства, похищения политиков и дипломатов, порча экспортируемой продукции, шантаж, взрывы, запугивания — все направлено на то, чтобы подорвать стабильность, породить хаос, подвести массы к революционному взрыву, негодованию. Разрушая мир и покой людей, террористы убеждены, что именно таким способом только и можно заявить о своем патриотизме, неустанной борьбе за подлинные интересы своих стран, ибо, как они полагают, пока существует Израиль, нет мира для арабов. Таким образом, используя всеохватный террор, эти группы стремятся во что бы то ни стало достичь победы арабов в разрушении Израиля. Примерно такие же идейно-политические обоснования у большинства практиков терроризма в Латинской Америке и Ирландии. Все эти группы тоже ставят перед собой предельно националистические цели.

Так, например, националистическая террористическая организация «Ольстерская Ассоциация защиты» намеревается установить протестантское господство в Ольстере, а другое террористическое объединение — «Ирландская национальная армия освобождения» преследует цель не только объединить Ирландию, но и установить в ней социалистическую республику.

В сегодняшнем мире все более становятся заметными террористические группы, атаки которых на существующее общество почти не связываются с какими-то глобальными изменениями политического строя в стране. Все чаще методы террора используются самыми разными группами людей в качестве превентивной меры угрозы, когда хотят добиться вполне определенных, конкретных уступок или действий от правительства. С помощью применения террористических методов эти группы пытаются также изменить курс политической жизни страны или дискредитировать правительство и его отдельных представителей.

Всекие действия, подпадающие под категорию превентивного терроризма, в этом случае можно разделить на 4 основных направления. Во-первых, это атаки на государственных и общественных деятелей: политиков, представителей администрации федеральных и местных органов власти, чинов правоохранительной системы, журналистов. Во-вторых, это атаки на владельцев и руководителей промышленных предприятий, профсоюзных деятелей, активистов тех или иных общественных движений, предпринимаемые

по политическим мотивам. В-третьих, это акты насилия, не направленные на кого-либо персонально, но произведенные в некоем общественном месте (на транспорте, на стадионе, в гостинице) и приведшие к человеческим жертвам. В-четвертых, это акты, отнесенные к тем или иным лицам или организациям с тем, чтобы, например, вызвать своих соратников из тюрьмы или осуществить месть. Несомненно, основной целью (самоцелью) террористических групп является борьба за систематическое истребление самых неугодных лиц из правительства и вообще людей, которыми держится тот или иной ненавистный для террориста порядок. Кстати, заметим, что покушение на ведущих представителей политической системы — самый старый и наиболее часто используемый террористический акт. Жертва или жертвы для террориста в этой связи осмысливаются соответственно известной китайской поговорке: убьешь одного, освободишь десять тысяч. Правда, в современных условиях осуществить террористическую акцию в отношении руководителя высокого ранга — достаточно рискованное дело. Требуется немало усилий, да и прежде всего времени, чтобы подготовить данную акцию, естественно, никогда не будучи уверенным, что она исполнится. Однако современные террористы, которые в большей мере связывают свои действия с публичным ответом протеста в отношении каких-либо важных событий политической жизни, не могут и не хотят ждать. Ведь промедление с исполнением своего протеста чревато тем, что он уже не будет иметь такого эффекта, на который рассчитывали террористы.

Вот почему, говоря о современном политическом терроризме и его целях, нельзя исключить и определенную символическую природу его проявления и символической направленности самих действий террористов в общественной жизни. В этой связи нельзя не согласиться с некоторыми учеными, рассматривающими политический терроризм как определенный значимый акт, предназначение которого — повлиять на поведение людей. Однако значимость террористических акций не просто в том, чтобы повлиять на людей, чтобы они задумались о жизни и условиях, в которых она осуществляется, но главным образом, я думаю, в том, чтобы принудить, заставить их жить как бы в постоянной напряженности «военной» ситуации риска и страха за себя и жизнь близких людей. Иначе говоря, террористам очень хотелось бы навязать всем свои представления об обществе как некой системе порядка, гармонии и

возложить ответственность на государство, политиков за то, что этого нет в реальной жизни. При этом террориста не волнует, что объектом его атак на государство, его деятелей становятся ни в чем не повинные, далекие от политики люди. Именно во имя этой символичности своих деяний он готов идти на эскалацию насилия, умножать количество жертв, ибо считает, что в современном, погрязшем в пороках, мире уже нет ни одной невинной души (личности). Другими словами, за своими акциями террорист не видит и не хочет видеть отдельного человека. Для него человеческая личность — символ, но таким символом для него являются и класс, и государство, и вообще весь мир.

В выражении этой своей символичности (значимости) действия террористические группы особо рассчитывают на средства массовой информации. Ведь террор, как правило, осуществляется очень небольшой группкой индивидов, способы организации деятельности которой тщательно скрываются. Именно поэтому террористы стремятся придать своим действиям широкую огласку, тем самым как бы усиливая свой протест, вызов обществу (нередко его организаторы даже берут на себя ответственность за проведение той или иной акции). Более того, по-видимому, можно сказать, что успех террористических операций (в значении, целях, которые им придаются) зависит в том числе и от уровня огласки, которую они получают. Этим самым лишний раз подтверждается стремление террористов подчеркнуть символическую предметность своей миссии — посеять страх, внести смятение, породить психологическую атмосферу неуверенности, тревожности, отчаяния, утраты перспектив в обществе.

Исследование сущности и особенностей проявления политического терроризма в современном обществе немыслимо без анализа выяснения причин его возникновения и условий распространения.

В объяснении причин появления терроризма в обществе существует много разных суждений. Некоторые ученые, следуя А. Гелену и К. Лоренцу, исходят из агрессивности как изначально присущего инстинкта общей природы человека. Не отвергая с порога заложенных в природе человека агрессивных интенций некоторых его действий, все же вызывает сомнение теория, которая не может внятно объяснить, почему в сходных социоэкономических и политических условиях некоторые группы и индивиды склонны к терроризму, в то

время как другие показывают иные, далекие от насилия, формы поведения. Вообще мне кажется, что общие теории, исследующие насилие, агрессивность безотносительно к конкретным социальным условиям их проявления, довольно беспомощны в изучении политического терроризма. Так, если мы, например, исследуем психологические состояния фрустрации агрессии человека — стимулированную потребность в осуществлении насилия, не нашедшую своей реализации, то обнаружим, что эти состояния сопровождаются раздражением, тревогой и другими подобными переживаниями, которые возникают в ситуациях конфликта, когда удовлетворение потребности наталкивается на труднопреодолимые, именно внешние преграды. Следовательно, возникновение данной фрустрации обусловлено не столько особенностями самого человека, сколько объективной, в частности социополитической ситуацией — всесторонним блокированием (сдерживанием) агрессивного акта какой-либо, например, нормой, организацией и т. п. То же самое, наверное, происходит и с самой потребностью людей осуществить некий насильственный акт. Эта потребность, несомненно, обуславливается определенными объективными обстоятельствами жизни. Именно поэтому насилие, агрессию, террор следует рассматривать все же средством человеческой деятельности в обществе, которое, подобно всем другим средствам его деятельности, возникает и используется в случае необходимости для достижения и подтверждения целей, которые человек преследует. Это значит, что основания появления и распространения политического терроризма необходимо искать в социальных отношениях, прежде всего в структурах политической жизнедеятельности общества. Ведь политический терроризм — выражение протеста по отношению, главным образом, ко всему состоянию и организации политической деятельности в обществе, а значит, и основания этого протеста могут быть непосредственно найдены в политической сфере жизни людей.

Однако чаще всего поиск таких оснований ведется в русле некоторых абстрактно-всеобщих тенденций мирового политического процесса. Так, например, У. Лаквер считает, что терроризм — это следствие усиления несправедливостей, в частности, таких, как национальное подавление и социальное неравенство. Он пишет:

«Будут иметь место политическая и социальная справедливость, исчезнет и терроризм»¹⁰. По его мнению, снизить степень террористических акций можно лишь устранением всякого рода недовольства и давления на людей¹¹. Спору нет, национальное подавление и социальное неравенство, несомненно, важнейшие основания, провоцирующие появление и распространение терроризма в обществе. Верно и то, что счастливые и всем довольные люди почти никогда не швыряют бомбы. Однако все это не объясняет, почему борьба за политическую свободу, за национальное освобождение или, например, движение за выход из состава государства (федерации), равно как и преследование иных подобных целей, иногда приводят к терроризму, а иногда и нет.

На наш взгляд, несостоятельны и другие общие (абстрактные) подходы, связывающие появление и степень распространения терроризма, например, с урбанизацией, культурным кризисом, ломкой традиционного общества, массовой эмиграцией. Конечно, все названные обстоятельства, несомненно, могут способствовать терроризму, но могут прямо и не вызывать его (примеров этому в истории много).

Вряд ли целиком можно согласиться и с Х. Арендт, которая видит основную причину терроризма в протесте против анонимного характера современного общества. С ее точки зрения, при существующей бюрократической форме управления (безличном управлении) в обществе, когда любой человек лишен политической свободы и все одинаково безвластны, имеет место тирания без тирана. «Чем более бюрократизируется общественная жизнь, — пишет Х. Арендт, — тем чаще привлекается и используется против этого насилие»¹². Оценивая данное положение Х. Арендт, хотелось бы отметить, что, хотя анонимность (безличность) действительно стала фактом современного управления государством почти всюду, атаки террористов все же направлены на определенные (конкретные) действия (политику) государства и его отдельных представителей лишь там, где наиболее резко ограничиваются и ущемляются политические права людей. Кроме того, эскалация насилия,

¹⁰ Laquer W. Terrorism. P. 5.

¹¹ Ibid

¹² Arendt H. On Violence. N. Y., 1969. P. 81.

терроризма в большей степени показательна для таких общественных ситуаций, когда отсутствует контроль, ослаблено управление развитием процессов жизнедеятельности людей со стороны государства. Бюрократическая же система управления, наоборот, стремится чрезмерно усилить контроль (управление) над всем и вся, чтобы не допустить какой-либо самостоятельности ни в деятельности государства, ни в действиях его граждан.

Все это позволяет заключить, что причины терроризма следует искать в плоскости анализа конкретно-исторических ситуаций каждой страны, региона — особенностей социально-экономического, политического и культурного уровня их развития. Вряд ли было бы правильно называть одну какую-то причину или одно какое-то обстоятельство, порождающее механизмы террора в обществе. Видимо, речь здесь может идти о множестве самых разных причин и способствующих им условий. Правомерность такой позиции, я думаю, обуславливается многоликостью форм терроризма, различием его целей и направлений действия. Вместе с тем не вызывает сомнений, что широкий размах и интенсивность проявлений терроризма в наши дни практически всюду обусловлены и некоторыми общими процессами, свойственными современному миру. Терроризм — не только следствие развития военной технологии и распространения эффективных взрывных устройств (очень много оружия в мире бесконтрольно «гуляет»), но прежде всего результат широкого распространения методов насилия во взаимоотношениях людей в современном мире. Решение этнонациональных, территориальных, даже экономических проблем все чаще осуществляется методами принуждения, с использованием полиции, армии, других институтов репрессивного аппарата государства. В этом смысле появление террористов есть как бы ответная их реакция в отношении таких акций государства и его правительства. Правда, в основании каждого движения террористического протеста лежит чувство обиды, недовольства, мести в отношении того, как обеспечиваются для той или иной группы людей конкретные национальные, правовые, экономические и прочие права и способы их жизнедеятельности в обществе. Если государство, его правящая элита соотносит эти права и жизнеотношения с нуждами и стремлениями различных групп людей, пытается решать все возникающие здесь противоречия только мирными средствами, сфера поддержки людьми правительства

возрастает и соответственно суживается среда недовольных, готовых пойти на террористическое противостояние. Ситуация в Северной Ирландии подтверждает мысль, что политический терроризм является серьезной угрозой обществу, если нет массовой поддержки правительства, и число людей, недовольных им, постоянно растет. Поэтому необходимо иметь в виду, что любые этнические или религиозные конфликты, военные поражения или серьезный экономический кризис чреваты эрозией народной поддержки самых либеральнейших режимов демократии, а соответственно и ослаблением иммунитета против «революционного» терроризма.

Существенным основанием возникновения и роста терроризма является политическая нестабильность, которая ярче всего выражается в политическом и социальном расколе общества, усилением его атомизации. Понятно, что в условиях нестабильности государство, правительство сталкиваются с массой проблем, которые они обязаны решать. При этом число таких нерешаемых и нерешенных проблем постоянно растет, что заставляет правительство свертывать социальные программы, шире использовать меры принуждения. Все это негативно сказывается как на показателях социально-экономического развития, так и на общем социально-психологическом климате страны, что неизбежно порождает конфликты между законодательством, политическими правами и исполнением власти. В такой ситуации вероятность нарастания недовольства, а значит, и массовой агрессивности в обществе неизбежна. Данное обстоятельство совершенно очевидно провоцирует отдельные группы людей на неповиновение и даже выражение своего протеста с использованием методов террора. В этом случае цели исполнения террористических акций отнесены уже не только к каким-то определенным направлениям правительственного курса, но и к политической системе в целом.

Во многих отношениях подобная общественно-политическая ситуация сложилась в современном российском обществе, именно она и обуславливает появление и рост в нем в последнее время террористических актов.

Было бы близорукостью не видеть, что построение социально ориентированного демократического общества со смешанной экономикой, регулируемой государством, — важнейшая жизненная задача современной российской политики, ее реформ. Однако эти

реформы были дискредитированы тем, что они проводились наспех, необдуманно, с использованием насилия. Обменная ваучерно-акционерная приватизация государственной собственности, при которой она распределялась в основном в пользу отдельных представителей бывшей партийной и комсомольской номенклатуры, конфискация сбережений граждан привели к резкой поляризации общества, обеднению большей части населения. Добавим к этому инфляцию, сдерживание роста зарплаты, систематические задержки ее выплаты, разрыв некогда тесных связей республик бывшего СССР, когда миллионы соотечественников оказались «иностранцами» и многие из них были вынуждены покинуть места своего проживания в поисках работы и жилья в России. Все это не могло не привести к тому, что, во-первых, довольно значительная часть людей отторгает эти реформы, создавая тем самым как бы легитимные условия для борьбы с проводимой правительством политикой реформирования общества. Издержки и ошибки, допущенные в проведении реформ, не могли не сказаться на образовании в социальной структуре российского общества агрессивных социальных группировок и групп, которые не могут не делать ставку на силу и принуждение. Именно в этой аккумуляции агрессивности причина войны с Чечней, особенно обострившей и так непростую ситуацию в стране.

Собственно, все это и создает условия, при которых террор и насилие обретают почву в российской действительности, где взрывы, поджоги, убийства, захват заложников, телефонные запугивания о минировании стали как бы обычным делом. Самое ужасное во всем этом, что происходит как бы привыкание ко всем этим преступным событиям, поскольку за монотонной чередой однотипных действий террористов для многих людей исчезает флер сенсационности, чрезвычайности, но остается устойчивый психологический эффект растерянности, удрученности, беспомощности населения и властей. Естественно, терроризм еще более подрывает авторитет и доверие к правительству.

Исследуя феномен политического терроризма в обществе, важно получить ответ и на вопрос о том, имеет ли он какие-нибудь успехи и вообще перспективы в обществе. Американские специалисты К. Добсон и Р. Пейн дают на этот вопрос однозначный ответ, что никакого успеха, равно как и какой-либо перспективы эти «шумные» действия не имеют и иметь не могут. В этом своем утверждении они ссылаются

на опыт ольстерской кампании терроризма с 1969 по 1981 год. Они отмечают, что такие террористические подразделения, как ИРА, ИНЛА и другие различные протестантские группы, убили 617 человек из сил безопасности и 1525 гражданских лиц погибло в ходе их акций. Данные убийства, как они пишут, осуществлялись при поддержке очень незначительного числа населения, и в политическом плане они практически ничего не достигли¹³. В этом, правда, вряд ли можно с ними согласиться. Конечно, терроризм, даже если он и перерос в гражданскую войну, удел сравнительно небольших экстремистских групп. Понятно, что террористические выступления негативно оцениваются и отвергаются подавляющим большинством населения. Естественно, терроризм не может выступить и средством захвата власти, как бы на это ни рассчитывали его вдохновители, ибо террористы не в состоянии вести массовую пропаганду, они не могут создать и сколько-нибудь значительную политическую организацию.

Однако нельзя отрицать и того, что эскалация терроризма, насилия формирует повсеместный безудержный страх, паническое состояние ужаса, оцепенения, безысходности. Поскольку этим психологическим состояниям свойственна заразительность — неосознанная их передача людьми друг другу, то в этих условиях терроризм нередко становится катализатором общего неповиновения и разброда в обществе. В результате возникает ситуация, при которой люди стремятся опереться на тех, кто олицетворяет сильную власть, закон, порядок. Исходя из этого, они голосуют на всеобщих выборах за представителей политиков такого направления. Соответственно, в итоге такого рода выбора ущемляются разные политические права и свободы, урезается демократия, усиливается власть бюрократии и репрессивных органов государства.

В настоящее время многие люди понимают, что террор представляет серьезную угрозу национальной безопасности страны. Люди осознают, что, хотя террористические акции могут вызвать общественный шок и негодование, такие акции, тем не менее, гораздо менее эффективный путь противодействия ценностям существующего общественного строя, чем систематическая глубокая и острая критика его целей и принципов.

¹³ См.: Dobson C., Payne R. The Terrorists. N. V. 1982. P. 33.

Эта открытая критика, не ущемляющая чьих-либо прав, имеет тот эффект, что она позволяет консолидироваться большим группам людей для практической реализации своих целей на основе их экономических и политических интересов и предпочтений, и в этом несомненное преимущество такой деятельности над терроризмом.